Василий Кубанев

Я увлекся творчеством поэта в 1981-м, когда еще учился в мичуринской школе № 1, которую в 1938 году окончил Василий Кубанев. Писал по нему дипломную работу на филологическом факультете Мичуринского государственного педагогического института. Именно этот труд стал основой для последующего издания трех книг «В.М. Кубанев. Гражданин. Поэт. Учитель», «Василий Кубанев» и «Неизвестный Кубанев», изданных в московском издательстве «Спутник+». Уже подготавливая библиографию поэта, я обнаружил, что Кубанев, оказывается, начал публиковаться в 1933 году, когда ему было 12 лет, в пионерской газете «Будь готов», издававшейся в Воронеже. Распространялась она в Центрально-Черноземной области, в которую входили нынешняя Тамбовская и Воронежская области. Листая старые подшивки в газетном фонде Российской государственной библиотеки в Химках, я нашел более трех десятков неизвестных кубаневских стихотворений, которые ранее не включались ни в один сборник.

Почему же до читателей не донес те стихи лучший друг Кубанева — Борис Иванович Стукалин, вернувший из небытия творчество поэта. Ведь он наверняка знал, где публиковался Кубанев в разные годы. Скорее всего, видел и эти стихи, но не включил их в сборники, вероятно, по одной причине: в некоторых из них упоминается имя Сталина. Первая книга Василия Кубанева вышла в 1955 году, когда начиналась хрущевская оттепель и развенчивался культ личности вождя. Наверняка Стукалин не хотел навредить другу, опасаясь, что его уцелевшее творчество вновь может лечь на архивные полки.

Сегодня давние стихотворения Кубанева можно представить читателям безо всякой опаски. Ведь известный писатель Гавриил Николаевич Троепольский, автор зна-

менитой повести «Белый Бим Черное Ухо», во время нашей встречи в Воронеже в апреле 1989 года сказал: «Поколение юношей, родившихся в 20-е годы XX столетия, искренне верили в идеи коммунизма. И их нельзя за это винить».

Кстати, в газете «Будь готов!» публиковалась в 1936 году и Тася Шатилова — та самая девочка, с которой Кубанев дружил в Мичуринске. Получается, они заочно были знакомы до их личной встречи и наверняка читали статьи друг друга.

А самый первый материал Кубанева в «Мичуринской правде» — о Николае Миттове, который впоследствии стал ректором Мичуринского государственного педагогического института. Его до сих пор помнят мичуринцы.

Андрей ОБЪЕДКОВ,
член Союза писателей России,
специальный корреспондент газеты
«Вечерняя Москва»

ДРУГУ

Мой друг, я никогда, конечно, не забуду
Все наши общие незримые мечты.
Поэтом, может быть, я и не буду,
Но капитаном будешь ты.
Мы смотрим смело из-за парты,
О наших мыслях говоря,
Мы ищем с гордостью на карте
Свои советские моря.
И там, куда ты смотришь ныне,
На лоскуты бумажных вод, —
В огромной ледяной пустыне
Ты поведешь свой пароход.
И будет сечь сильнее плети
Лицо твое пурга и мгла,
Но люди будущих столетий
Должны узнать свои дела.
Ты думу светлую, большую
Решил над миром пронести.
Мой друг любимый, напишу я
Тебе свой самый лучший стих.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Заблестела бурная река
В нитях золотистой паутины.
В небе проплывают облака —
Синие, громоздкие, как нити.
И везде, куда ты ни пойдешь,
Музыку весеннюю услышишь,
Как молодой, горячий дождь,
Умывает улицы и крыши.

КОММУНАРАМ

Улеглись годов седые волны
Мы встречаем новую зарю
Восхищенья и печали полный,
Я о вас сегодня говорю.
Ваши каждое лицо и имя
В памяти живущие сейчас,
Кажутся такими нам родными
И такими близкими для нас.
Смерти на гремящие колеса
Вы бросали беззаветно жизнь
Помня вас, кронштадтские матросы
Лихо в девятнадцатом дрались.
Помня ваши подвиги и раны,
Вьюги в страшном, огненном бою
Тысячи испанских партизанов,
Защищают родину свою.
Если враг попробует на деле
Испытать, сильна ли наша власть, —
Мы сумеем так, как мы умеем
Жизнь свою за родину отдать.

НА КАТКЕ

Ветер тонкими струнами
В тело бьет.
Я блестящими коньками
Режу лед.

Дом, деревья, нежно-синий
Небосвод —
Вихревой, горячий, сильный
Хоровод.

Снег сияет, серебрится
И блестит.
Только лед бессильно злится
И хрипит.

Споря с холодом, с ветрами,
Мчусь вперед
И коньками
Разрисовываю лед.

Ночь холодная, седая
Уж близка,
Неохотно уезжаю
Я с катка.

ПРО БЕРЛИНСКОГО ВОЗЧИКА

На хлебозаводе в западном районе Берлина
арестовали возчика Ц. Штурмовики
избили Ц. его же кнутом и заставили
слизать всю кровь с пола и подметок.

Из иностранных газет

Он молод был. Он весел был.
Так про него говорили.
Правда, он никогда не смеялся,
Но, кто ж смеется в Берлине!

Он возчик был. И на возу
С дровами по двору ехал.
Увидел, как поскользнулась дама,
И закатился смехом.

А дама та — не простая была,
Ее супруг — штурмовик.
Из-за угла прибежала полиция
На ее пронзительный крик.

Возчику руки назад скрутили,
Повели в фашистский дом,
Вырвали кнут, и по лицу
Били его кнутом.

Он не мог заслонить лицо:
Руки — за спиной.
Он шел, мычал, и крутил от боли
Свешенной вниз головой.

В комнате было темно и сыро.
Штурмовики — за столом.
Они распивали пиво и пели,
А его — стегали кнутом.

Ременный кнут от ударов лопнул
И брошен лежит в углу,
Кричит штурмовик: «Нагадил, мерзавец,
Кровью своей на полу!»

Возчика бросили на пол, как тряпку,
И стали толкать пинком.
Он долго елозил то вправо, то влево,
Вылизывал кровь языком.

Когда его подняли за плечи —
Он попросил воды.

И опять свалился. А там, где стоял —
От подошв остались следы.

Штурмовики увидели кровь
И подняли яростный крик.
Мылом и щеткой отчистили возчику
Красный, распухший язык.

— Снимай сапоги! — закричали ему, —
Лижи подметки свои.
Чтоб ты не поганил рабскою кровью
Гитлеровской земли».

Возчик вылизал обе подметки.
Нрав у него таков:
Лучше лизать свои подметки,
Чем подметки штурмовиков.

Такие нравы фашистам не нравятся
И может убит уже возчик тот.
Но если жив и здоров, то вряд ли
Он в бой за них пойдет.

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Стояли мы под голою осиной,
К тебе плечом горячим я приник,
А в нежне-синем небе журавлином
Звучал тоскливый и тревожный крик.

В саду сияла золотая осень
Рвала листву с деревьев и кустов.
Смотрел я в глаз твоих лучистых просинь,
Не находил простых, душевных слов.

В сад пришел, чтобы последний вечер
Сегодня вместе провести с тобой,
Чтобы, обняв твои тугие плечи, —
Полюбоваться желтою листвой.

С призывниками эшелон умчится,
Меня придешь ты утром провожать.
И я уеду в армию учиться
Советские границы защищать.

В тоске шептать мое ты будешь имя,
Ты и сейчас уже слегка грустишь
И вздохами печальными своими
В саду уныло разрываешь тишь.

Печаль разлуки я делю с тобою,
От грусти мысль сегодня не резва,
Но, окрыленный светлою мечтою
Я нахожу горячие слова:

«Ты не тоскуй моя голубка, Ира.
Работай, строй, волнуйся и учись.
К тебе вернусь я красным командиром
И мы по-новому наладим жизнь».

Смолкают в небе звуков переливы,
Октябрьский вечер сумрачен и тих.
И ветер молодой и шаловливый,
Ласкает локоны волос твоих.

Ты уходила радостной из сада,
Глаза твои смотрели веселей.
Ты вдалеке послала мне в награду
Улыбку ярче солнечных лучей.

Туман вечерний сизый лег на крышу.
Крылом тяжелым машет он над ней.
В сыром осеннем воздухе я слышу
Зовущий крик летящих журавлей.